

ВЛАДИМИР
БУШИН

**СОЛЖЕНИЦЫН
И ЕВРЕИ**

Владимир Сергеевич Бушин

Солженицын и евреи

Серия «Власть в тротиловом эквиваленте»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696513

Солженицын и евреи: Алгоритм; М.; 2014

ISBN 978-5-4438-0601-3

Аннотация

Владимир Сергеевич Бушин – яркий публицист, писатель, поэт и литературный критик – знал Александра Солженицына ещё с 1960-х гг. В своей книге он отвечает на вопрос, который до сих пор занимает всех исследователей творчества Александра Солженицына – был ли Солженицын антисемитом? Бушин рассказывает о том, как мощную поддержку оказали евреи из советских журналов и издательств Александру Солженицыну в начале его творческого пути. Поддерживали они его и позже; чтобы не быть голословным, Владимир Бушин называет многие имена евреев, принимавших участие в «раскрутке» Солженицына.

Содержание

БЫЛ ЛИ СОЛЖЕНИЦЫН АНТИСЕМИТОМ?

4

Конец ознакомительного фрагмента.

30

Владимир Сергеевич Бушин

Солженицын и евреи

БЫЛ ЛИ СОЛЖЕНИЦЫН АНТИСЕМИТОМ?

Книга широко известного мне сочинителя Бенедикта Сарнова «Феномен Солженицына», вышедшая в прошлом году, по многим данным и сама совершенно феноменальна. В частности из нее отчетливо видно, о чем раньше никто не говорил, что в «раскрутке» Солженицына с самого начала, с первых его шагов большую роль сыграли соплеменники критика. Он копошится во многих подробностях и мелочах литературной биографии писателя. Уделяет несколько страниц даже тому, из чьих ручек получил Твардовский как главный редактор «Нового мира» первый рассказ этого гения «Один день Ивана Денисовича» – из ручек ли сотрудницы журнала Аси Берзер, Льва ли Копелева или его ли супруги Раисы Орлов-Фой. Думаю, что читателю нет до этого никакого дела. Но нельзя не заметить, что все эти ручки из одного этнического ресурса.

Да и в редакции журнала было, как у гоголевского Янкеля в осажденном казаками Дубно, «Наших много!». И впрямь:

члены редколлегии Б.Г.Закс, И.А.Сац, Александр Моисеевич Марьямов, Ефим Яковлевич Дорош, заведомо поэзии Караганова Софья Григорьевна, да завредакцией Н.П.Бианки, да Инна Борисова, да помянутая Берзер, да Буртин Юрий Гершевич... Мало того, еще и секретарем Твардовского была Минц Софья Ханаановна, а подменяла ее при нужде Наталья Львовна Майкапар. Ну, ведь явный же переизбыток!

Не видеть такой пейзаж и не понимать его значение Твардовский, конечно, не мог и однажды записал в своей «рабочей тетраде»: «Вообще эти люди, все эти Данины (Даниил Плотке), Анны Самойловны (Берзер) вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там – в Пастернаке, Гроссмане и т. п. – Этого не следует забывать. Я сам люблю обличать и вольнодумствовать, но, извините, отдельно, а не с этими людьми». Но, увы, и забывал «это», и обличал не отдельно, а вместе... Ведь только трое русских и было в редакции: сам Твардовский, А.П.Дементьев, В.Я.Лакшин да А.И. Кондратович. А когда был ампутирован Дементьев, его заменил М.Н.Хитров. Правда, говорят, что еще и уборщица тетя Нюша была русская. Но и в других редакциях, кроме «Октября» и «Молодой гвардии», пейзаж был такой же. Почему? С какой стати такая концентрация?

А вот кто в мае 1967 года составлял и распространял письмо в президиум Четвертого съезда писателей в поддержку письма Солженицына, которое он направил туда же: сам Сар-

нов, Борис Балтер, Наум Коржавин (Мандель), Владимир Корнилов да какой-то Юрий Штейн – тоже все как на подбор. Письмо это подписали 80 человек, среди которых русских – около двадцати, почти все остальные – друзья Сарнова: Войнович, Лазарев (Шиндель), Слуцкий, Рошин (Гибельман) и т. д. То есть тут они составляли примерно три четверти, а вот с известным обращением 5 октября 1993 года в «Известиях» к Ельцину «Раздавите гадину», т. е. патриотов, защитников конституции картина более отрадная – их там всего-то лишь половина.

А кто были, по выражению Сарнова, те «присяжные борзописцы, которые по приказу с самого верха кинулись взахлеб хвалить «Один день» – в «Правде», в «Известиях», «Литературке»?». Ну, вообще-то похвал было много. Но самым первым присяжным борзописцем «по приказу с самого верха» еще в рецензии даже не на книгу, а на рукопись выскочил обожаемый старец Корней Чуковский; потом уже книгу принялся взахлеб нахваливать по тому же приказу именно в «Правде» Самуил Маршак, о котором Сарнов когда-то написал чувствительное сочинение; тут же в «Литературной газете» вылез еще один «присяжный борзописец» Григорий Бакланов, близкий друг нашего критика, – и тоже взахлеб. Именно на их захлеб счел самым надежным (вот оно – «не следует забывать») опереться Твардовский в известном письме о «деле Солженицына» возглавлявшему тогда Союз писателей Константину Федину; «Литературное

чудо» – так озаглавил свою рецензию на рукопись «Одного дня» К.И. Чуковский...» и т. д.

Вот какова с молодых лет среда обитания критика Б.Сарнова – сплошь «присяжные борзописцы, пишущие по приказу с самого верха», то бишь Политбюро или персонально М.А.Суслова.

Наконец, вспомним, кто и совсем в недавнее время душевней всех прославлял Солженицына? Говорящий мим Радзинский. Кто взывал с телеэкрана «Читайте гениального Солженицына!», чтобы понять, сколь мерзостна Россия? Аномальный умник Борис Ефимович Немцов. Опять же «все наши».

Но когда гений свою роль выполнил да при этом сказал что-то сочувственное о Родине, некоторые из борзописцев вдруг призадумались; «А не антисемит ли он? Ведь еще образ Цезаря Марковича в «Одном дне» представлен без должного обожания...». А портретики в «ГУЛаге» его руководителей: Ягода, Френкель, Сольц, Берман, Раппопорт... К чему бы это? Сейчас по распоряжению президента сделав из трехтомной телемахида компактный учебник для школьников, вдова гения все эти прелестные портретики убрала. А почему в «Круге первом» совсем не героем изображен еврей Рубин, прообразом коего автор избрал опять же еврея Копелева? Странно... Сомнительно... Подозрительно... Нет, нет, тут явно пахнет...

У нас почему-то всегда стесняются анализировать собы-

тие с национальной точки зрения. Даже пустили в ход ловкую придумку, например, о преступности: «Преступность национальности не имеет». Она не должна иметь ее перед законом, но у нас и тут имеет. Многочисленные факты вопиют: чеченцы убили несколько русских мальчишек. А нам твердят: это инопланетяне убили. И отпускают прямо из зала суда или даже из отделения милиции. Между тем, по данным, опубликованным на новый 2013 год, «каждое второе преступление в Москве совершается иностранным мигрантом». Только после многолетних раздумий Путин решился, наконец, убрать с должности министра МВД, которое несет главную ответственность за борьбу против преступности, инопланетянина Рашида Нургалиева.

А Маркс и Плеханов, Ленин и Сталин не только не избегали национального аспекта явлений, но порой считали его совершенно необходимым. Так, Ленин в статье «Как чуть не погасла «Искра», рассказал, что в августе 1900 году на совещании в Швейцарии при обсуждении вопроса о создании партии, «по вопросу отношения к Еврейскому союзу (Бунду) Г.В. Плеханов проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих

неприличных речей ни к чему не привели, и Г.В. остался всецело на своем, говоря, что у нас просто недостает знания еврейства, жизненного опыта и ведения дел с евреями» (ПСС, т.1, с.311».

А женат он был, между прочим, на Розалии Марковне Богард (1856–1949), бывшей ему искренним и преданным другом.

Разумеется, с Плехановым, несмотря на его огромный авторитет, можно было не соглашаться, спорить, что Ленин, как видим, тогда и сделал, но важно, что они не стеснялись об этом говорить, спорили. Правда, Ленин по достижении тогдашнего возраста Плеханова и сам сильно вознегодовал против «бундовской сволочи» и «еврейских марксистов, которые скоро на нас верхом будут ездить». А Сталин, проанализировав национальный состав съезда РСДРП, с горечью констатировал: большевики – в основном русские, меньшевики – в основном евреи. Надо это знать? Конечно. Национальность – не выдумка мракобесов.

Но вернемся к нашим феноменальным баранам. В 2000–2001 годы появился двухтомник Солженицына о русско-еврейских отношениях «Двести лет вместе». Казалось бы, само заглавие преисполнено доброжелательства: вот, мол, сколько прожито бок о бок! Ну, да, были трения, взаимные обиды, но нельзя же все это вечно помнить, давайте и дальше нога в ногу, ноздря к ноздре шагать в прекрасное завтра. Разве

не так?

А вскоре вышла отдельным изданием работа Валентина Оскоцкого «Еврейский вопрос» по Солженицыну» (2004). Автор – еврей, в прошлом – любимец «Правды», потом – беглый марксист. По нынешним временам, только таким и можно верить, тем более, работа – предсмертная. Так вот он, пересказав разные оценки, в конце концов – как бронзой по мрамору вывел: «Настаиваю категорически: на пятистах страницах плотного книжного текста я не нашел ни единого прямого повода заподозрить писателя в антисемитских пристрастиях» (с. б). Даже заподозрить! Хотя бы в пристрастиях! Правда, тут одна ошибочка: в двухтомнике не 500 страниц, а 1050. Тем убедительней ошибка Оскоцкого: на тысяче с лишним страницах не поймал ни одной антисемитской блохи... Я его хорошо знал: большого ума человек. Был парторгом в журнале «Дружба народов», где тогда и я работал, и оказался главным вышибалой меня из редакции.

Мало того, его сочинение вышло под эгидой Московского бюро по правам человека. А директор этого Бюро – Александр Брод, члены совета – Леонид Жуховицкий, Александр Рекемчук – кто тут русский?.. Разве они напечатали бы неправду, невыгодную себе!

Но у Сарнова уши на макушке, он самый чутконосый критик современности. Бенедикт не верит ни своим соплеменникам, ни друзьям.

Тут надо осветить эту фигуру поярче. Первое, что бросается в глаза при чтении сочинений Сарнова, это его необычайная то ли чувствительность, то ли истеричность, то ли просто трусость. Ну, смотрите: «Это сообщение, как гром среди ясного неба, вызвало у меня ужас»... «все мое существо сковал страх»... «прочитав письмо, я был потрясен»... «я был поражен»... «ужас не покидал меня долгие дни»... «мой страх перед неизвестностью»... «меня одолевали кошмарные предчувствия»... «новая волна страха окатила меня»... «я просто ошалел»... «На мое плечо легла чья-то рука. Каталептическая скованность охватила меня»... «сердце ухнуло куда-то вниз»... «руки у меня тряслись, губы дрожали, голос прерывался»... «это поразило меня в самое сердце»... «я висел в воздухе»...

И вот при всем этом, в ошалелом состоянии витая в воздухе, критик всю жизнь одержим буйными страстями. Их три. Первая большая страсть – патологическая любовь к писчей бумаге. Честно признается: «Я с детства питал какую-то странную необъяснимую любовь к тетрадам, блокнотам, записным книжкам – вообще к бумаге». Думаю, что никакой загадки тут нет. Просто уже тогда в детской подкорке жила мечта писать и писать, печататься и печататься. Так что, точнее сказать, тут не любовь к бумаге, а страсть к ее поглощению своими письменами.

В советское время эта страсть удовлетворялась слабовато, выходили у Сарнова книги не часто и были страниц по 200–

300, ну, от силы 350. Зато уж ныне, когда нет никакого контроля и цензуры, он развернулся! Вот книжечка «Скуки не было» – 700 страниц (41 печатный лист), и это только первая часть воспоминаний, вторую я не видел. Да уж наверняка не меньше. Затем одна за другой выскочили фолиантики в 600 страниц (38 пл.), в 830 с. (43 пл)... 830 с. (43 пл)... 1000 с. (52 пл.)... 1200 с. (62 пл.).... И все каким форматом! И вот «Феномен Солженицына». Мне дала ее посмотреть соседка по даче. Это 845 страниц. Правда, на 3/4 или даже 4/5 она, как и другие его книги, состоит из чужих текстов – от Льва Толстого да Валерии Новодворской. Иногда интересно. Но это не важно, главное, бумажная страсть удовлетворена полностью!

Кстати, Солженицын тоже был одержим этой страстью. «Раковый корпус» – 25 листов, «В круге первом» – 35 листов, «Арихипелаг» – 70, «Теленок» – 50, а там еще необъятное десятилитровое «Красное колесо», «Двести лет вместе» – 66,5 пл. Сопоставимые объемы! Тут немалую роль играет еще и мания величия: оба уверены, что все ими написанное ужасно важно, ценно, прекрасно по слогу и форме, а потому и ужасно интересно для читателя. Так плодовиты бывают только гении и графоманы. Но гением на всю Ивановскую объявлен только один из них.

Примечательно, что при такой страсти к писанию, Сарнов до сих пор не понимает некоторых простейших правил

приличия в этом деле. Например, нельзя же ставить подряд, впритык одно за другим имена разных людей. А у него то и дело: «у жены Гриши Свирского Полины» – 3 имени... «шандарахнула (?) бы Лидия Корнеевна Веру Васильевну Смирнову» – 5 имен!., «друг Василия Семеновича Семен Израилевич Липкин» – 5 имен!., «дневники секретаря Константина Михайловича Симонова Нины Павловны Гордон» – 6 имен!., «письмо Татьяны Максимовны Литвиновой Эмме Григорьевне Герштейн» – 6 имен! И так далее. Ну, где ж тут гений? Глухарь!

А какими словесами наспигованы его тексты!., «тезаурус»... «флагеллант»... «макабрический»... «каталептический»... «флуктуация»... «филиация»... «экстраполяция»... «сублимация»... «контаминация»... Уж не говорю о таких более внятных речениях, как «аллюзия»... «оксюморон»... «перифраз»... «эскапад»... Какая ученость!.. Я подозреваю, что речи и статьи Медведеву пишет именно он, Сарнов.

А рядом с этой изысканной ученостью – оксюморончики такого пошиба: «Он что вам, в щи насрал?» От таких изречений и у беспризорника Астафьева тошнит, а уж когда следом спешит сочинитель, выросший на асфальте улицы Горького... С другой стороны, некоторые из не таких уж мудреных слов и даже литературоведческих терминов, которые любой критик обязан знать, Сарнов просто не понимает. Например, перифразом он называет пародийное ковер-

вание, перефразирование какого-нибудь известного текста. Так, уверяет, что где-то когда-то какие-то школьники на мотив гимна распевали:

Союз нерушимый голодных и вшивых...

Вот, говорит, типичный перифраз. О школьниках тут, разумеется, полное вранье. Это он сам сочинил и просил мамочку напевать ему перед сном. А о перифразе – как раз, если угодно, вшивая неграмотность, ибо это слово означает не коверкание, не перефразирование чужого текста, а совсем другое – иносказание: не «лев», а «царь зверей», не «чемпион мира по шахматам», а «шахматный король», не «литературный критик Бенедикт Сарнов», а «графоман Беня» и т. п. Он не понимает даже столь простой литературоведческий термин, как «гипербола», но писать об этом уже просто скучно и утомительно.

А вот Беня потешается над известной надписью Сталина на поэме Горького «Девушка и смерть», сделанной в дружеской обстановке и вовсе не предназначавшейся для публикации: «Эта штука посильнее «Фауста» Гете. Любовь побеждает смерть». Ах, как смешно и несуразно – «штука»! А что смешного? Маяковский не на книге для личного пользования, а в стихотворении для газеты назвал поэзию «штуковиной». Да и сам Сарнов буквально через несколько страниц пишет: «Загадочная все-таки штука – человеческая душа!»

Вот так да! Другому запрещается книгу назвать штукой, а для самого бессмертные души человеческие – штуки!

Но критик изменил бы себе, если еще тут же и не соврал бы: «Поэма Горького немедленно была включена в школьные программы». Да ведь долгие годы никто и не знал об этой надписи Сталина, и поэма, конечно, не была в программе. В программе были «Песня о буреизвестнике», «Песня о соколе», «Старуха Изергиль», «Челкаш», «На дне», «Мать», в десятом классе – «Жизнь Клима Самгина». Теперь все это вытеснили антисоветчики А.Рыбаков, В.Аксенов, неприметный и давно забытый А.Гладилин, живущий где-то за бугром, неизвестно откуда взятый новорожденный классик Эппель с еще не обрезанной пуповиной...

А уж как напичканы тексты Сарнова как бы остроумными, но замусоленными штампами! «Ни при какой погоде»... «и ежу понятно» и т. п. стилистические пошлости.

И вот при такой-то амуниции Сарнов берется рассуждать о разных художественных тонкостях и о больших литературных фигурах – о Толстом, Блоке, Маяковском!.. Да где ты у них найдешь что-нибудь подобное хотя бы твоим колбасным батонам из пяти-шести имен?

Вторая аномальная страсть Сарнова, как можно было уже догадаться, – ненависть к стране, где он родился, к ее строю, к ее руководителям. Уже с восьми лет, по собственному признанию, он стал политически развитым антисоветчиком. А из руководителей СССР ненавидит прежде всего, понимает-

ся, Сталина, при имени которого у критика тотчас начинается приступ падучей, как у известного Павла Смердякова. Но это не мешает ему «каждый год пятого марта – в день смерти Сталина – собираться с друзьями». Они празднуют годовщину. Возглашают тосты, пьют шампанское: «За то, что мы его пережили!». И каждый год! Это уже сколько раз? В этом году будет 60! И друзья-то уже почти все почили в бозе: Балтер, Корнилов, Слуцкий, Рассадин, оба Шкловских... А он все пьет, пьет и за такой срок до сих пор не сообразил, что пережить человека, который на пятьдесят лет старше, – что за достижение? Вот ты Чубайса или Абрамовича переживи!

Сюда же, к антисоветчине, надо отнести и страстное отвращение Сарнова к армии, к службе в ней, при одной лишь мысли о чем даже в мирное время меня, говорит, «бросало в холодный пот». Можно себе представить, что бы с ним случилось, если его забрили бы в армию в военное время, хотя признается, что нападение Германии на нашу родину 22 июня 1941 года он встретил с радостью. Между прочим, как и его друг Г.Бакланов.

Третья страсть – национальный вопрос. Он у него постоянно свербит с детства. Это просто какая-то помешанность на национальном в самых разных формах. Уверяет, например: «Мы все – от мала до велика – тех, кто вторгся тогда на нашу землю, называли немцами. Не фашистами, не нацистами, не гитлеровцами, а только (!) вот так немцами». И через

несколько страниц в связи с тем, что Константин Симонов в 1948 году при переиздании в одном стихотворении, написанном в 1942-м, поменял «немца» на «фашиста» с той же осатанел остью твердит: «Такая в то время была политическая установка: в 1948-м никакой редактор «немца» уже не пропустил бы». «Установки», приказы, заговоры мерещатся ему всегда и во всем. И тут же тяжкое клеветническое обвинение: «Эта замена прозвучала тогда чудовищной фальшью. Мы воевали (они воевали!) не с «фашистами», а – с немцами. Только так, и не иначе, называли мы тогда врагов. И были правы». Так что, немцы, гитлеровская армия не имели никакого отношения к фашизму?

Ведь Сарнов во время войны был уже здоровым малым призывного возраста и должен бы видеть своими глазами, слышать своими ушами, что в разных ситуациях, с разных «трибун» мы говорили тогда и «немцы», и «фашисты», и «нацисты», и «оккупанты», и «гитлеровцы» – где что больше подходило и во время войны, и после. Ничего не видел, ничего не слышал – весь был поглощен страхом перед призывом в армию.

Ну как можно не знать человеку его возраста, что в первые же дни войны на всю страну гремела песня, в которой говорилось, что это война с «фашистской силой темною» и выражалась уверенность в победе над «гнилой фашистской нечистью»? А в первых же выступлениях по радио и Молотова и Сталина тоже – и «фашистская армия», и «фашистское на-

падение», и «немецко-фашистская армия», и «гитлеровские войска» да еще и «людоеды и изверги». А почти все приказы и доклады Сталина кончались заклинанием «Смерть немецким оккупантам!». Да еще слышал ли критик хотя бы о знаменитой картине Аркадия Пластова «Фашист пролетел», написанной в 1942 году, или о его же работе «Гитлеровцы пришли»? Не немец, а фашист, гитлеровец, в котором, разумеется, имелся в виду немец. Наверняка ни о чем этом он не слышал. Такие песни и речи, такая живопись ему до лампочки.

А после войны? Да вот хотя бы знаменитый рассказ Шолохова «Судьба человека». По причине своего отвращения и злобной вражды к писателю Сарнов рассказ не читал. А мы-то читали и видели там: «немец тогда здорово наступал»... Но – «я в плену у фашистов», «немецкие танки»... Но – «ты что ж делаешь, фашист несчастный?»... «на мотоциклах подъехали немцы»... Но – «эсэсовские офицеры»... и т. д. То есть, как хотел автор, так и писал. А ведь это не какой-то доклад, а задушевная исповедь пострадавшего человека, и написан рассказ не в 1948 году, как в случае с Симоновым, – уже в 1956-м, а в 1959-м еще и фильм Сергей Бондарчука был, и никакой редактор, никакая «установка» не помешали писателю и режиссеру называть врагов то немцами, то фашистами, то эсэсовцами. А ведь Сарнову кто-то и верит. Как же! Ему под девяносто, он видел всю войну из окна Елисеевского магазина.

Спрашивается, почему, зачем с такой тупой лживостью твердит критик всем очевидный вздор? Только для того, чтобы в итоге заявить: «И так же были правы поляки в 1939-м, и венгры в 1956-м, и чехи в 1968-м, и афганцы в 1980-м, называя вступившие на их землю войска не советскими, а русскими». Значит, все лежит на русских.

Но вот читаем (следите за руками): «Когда Сталин произнес свой знаменитый тост за русский народ...». Руки на стол, месье! Это был тост за весь советский народ, «за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа». Если бы, допустим, подобный тост захотел после войны произнести Черчилль, то, надо думать, он сказал бы о всем народе Британской империи, в том числе, о шотландцах, ирландцах, уэльсцах, но прежде всего – об англичанах, т. е. как и Сталин – о государственнообразующем народе. Ни тот, ни другой не могли же в тосте перечислять все народы своих великих держав – их сотни. «Жанр» тоста не позволял это. Казалось бы, ясно и просто.

Но Сарнову, как и Борису Слуцкому, многим другим его друзьям, тост решительно не понравился. И когда он увидел, как обрадовался тосту некий Иван Иванович, критик подумал: «Уж не шовинистические ли струны заговорили в его сердце?.. Ведь воевали все, а не только русские. Зачем же противопоставлять один народ всем другим?». Где же тут противопоставление украинцам или белорусам, чува-

шам или удмуртам, евреям или чукчам, если тост за весь народ страны? Но, кроме того, есть факты и цифры. Например, 66,402 % наших безвозвратных потерь на войне – русские. Ближе всех к ним в этой трагическом перечне украинцы – 15,8 % (Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М. 2009. Стр. 52). Есть и такие цифры: за годы войны звание Героя Советского Союза получили представители 63 наций и народностей, в том числе – 8182 русских, 2072 украинцев, 311 белорусов, 161 татарин, 103 еврея... 4 немца и т. д. (Герои Советского Союза. М. 1984. Стр. 245). Всех, хоть это и не тост, я здесь тоже перечислить не могу.

Что ж получается? Сарнов согласен считать, что допустим, подавление восстания в Венгрии – это дело русских, хотя знает: то была акция стран Варшавского договора, да и в Советской армии были тоже не одни русские. Тут он не видит у себя противопоставления русских другим народам, а в тосте Сталина – вот оно самое, разглядел!

Кстати говоря, восстание в Венгрии, как показал С.Куняев в книге «Жрецы и жертвы Холокоста» (2012), было не столько антисоветским и антирусским, сколько антиеврейским. Действительно, трудно понять, почему после войны венгерскую коммунистическую партию, а потом и Совет министров возглавил еврей Матиас Ракоши. Это в Венгрии-то, у народа которой так сильно национальное чувство. Вот как раз тот случай, когда надо было думать о национальной сто-

роне проблемы.

А помянутого Ивана Ивановича критик заставил играть роль не то идиота, не то лжеца, он у него говорит со слезой в голосе: «Эх, Билюша!.. Знал бы ты, как мы жили!.. Ведь я двадцать лет (т. е. с 1925 года) боялся сказать, что я русский!». Что, за это сажали или расстреливали? Уму непостижимо, на что рассчитывает человек, откалывая такие номера! Ведь еще в 20-е годы знаменитый поэт возглашал:

Я русский бы выучил только за то,
что им разговаривал Ленин...

Да и сам Ленин не раз называл Октябрьскую революцию именно русской. А Сталин однажды заметил: «Русские люди, совершив революцию, не перестали быть русскими». Любой Иван Иванович наверняка знал это. А в 1938-м он мог бы почитать роман В.Вишневского, который прямо так и озаглавлен был: «Мы, русский народ». Несколько позже с киноэкранов на всю страну гремела кантата Сергея Прокофьева из фильма «Александр Невский»:

Вставайте, люди русские,
На правый бой, на смертный бой!..

Такие примеры можно вспоминать долго. Но, кроме того, ведь знают же люди, что лет за пятнадцать до этого придуманного разговора в стране были введены паспорта с графой

«национальность», и все, кроме разве что таких как Билюша, охотно заполняли эту графу. Путин эту графу уничтожил. И вот собственное бесстыжее вранье Сарнов свалил на какого-то Ивана Ивановича. Это его обычный прием в борьбе за права человека.

Но есть тут и другие хитроумные ужимки. Например, Сарнов вспоминает, что когда работал в «Литгазете» и сдавал ответственному секретарю редакции О.Н. Прудкову статьи в очередной номер, тот частенько говаривал: «Бенедикт Михайлович, что ж у вас все евреи да евреи?» – «Какие евреи? Где? – изумленно возмущался Беня. – Вот Исбах. Это известный русский писатель! Его читают во дворцах и в избах. А вот Гринберг, Бровман...». Деликатный Олег Николаевич не знал, что ответить борцу, и на страницы газеты шли косяком русско-сарновские писатели. И он ликовал.

Но вот однажды с женой оказался в Грузии. Кажется, переводил какого-то грузинского писателя. Ну, известное дело – широкое грузинское застолье. Встает хозяин и торжественно провозглашает тост: «За великий русский народ!». Вдруг громко подает голос супруга Сарнова: «Позвольте, но мой муж вовсе не русский, а еврей, а я никакая не русская, а украинка!» Словом, русским духом от нас, мол, и не пахнет. И муж не осадил супругу, не шепнул ей: «Трындычиха, заткнись!», не поправил в том духе, что да, еврей, но ведь русский литератор, работаю в великой литературе Пушкина и Толстого. Что ж получается? В «Литгазете» он представ-

лял евреев русскими писателями, а сам вдали от «Литгазеты» пожелал быть не русским литератором, а евреем.

Критик уверяет: «По правде, еврей из меня вышел плохой». Я, говорит, даже и не различаю, кто еврей, кто не еврей. Вот знаю только, что Алла Гербер точно еврейка, а больше – ни души. Но вот что интересно: упоминая многих евреев, он почти каждого называет своим другом, близким другом, а то и ближайшим. Это – Илья Зверев (Замдберг), Бакланов (Фридман), Эмочка Мандель, Поженян, Левицкий, Бременер, Балтер, Войнович, Корнилов, Аксенов, Биргер, два Шкловских... Все друзья! И даже если упоминает раз десять, допустим, Манделя, то все десять раз непременно с этой уже назойливой нашлепкой – «мой друг». Да никто не против и того, что диплом у него был об Эренбурге, первая книга – о Маршаке. Большие писатели! Только зачем изображать себя национальным дальтоником?

Во время войны Сарнов с родителями был в эвакуации где-то аж за Уралом. Там у него появился приятель Глеб Селянин. Мы, говорит, «были склонны глумиться над всем, что видели вокруг». Над всем... А видели они вокруг русских людей, самозабвенно трудившихся, недоедавших, с тревогой ожидавших вестей с фронта. Они же забавлялись, хихикали, зубоскалили. Когда в 1944 году был учрежден новый гимн, сочинили свой «перифраз» в виде глумливой пародии:

На бой вдохновил нас великий Селянин,
Сарнов гениальный нам путь указал...

Господи, и такую убогую чушь помнит пятьдесят лет и не постеснялся воспроизвести! А ведь еще из книги в книгу жалуются, как жестоко с ним поступили в Литературном институте, исключив в свое время из комсомола. Да тебя нельзя было на пушечный выстрел подпускать даже к санэпидемстанции!

Конечно, порой бывает и так, что тупая антисоветчина Сарнова сплетается в один клубок с его болезненной страстью всюду вынюхивать национальные корни. В это трудно поверить, но ведь сам рассказывает: в те же годы войны в эвакуации он сочинял гнусные эпиграммы на Сталина, – на человека, с именем которого в те дни связывало надежды на спасение все человечество, и даже заматерелый антисоветчик Бунин писал тогда: «Сталин летит в Тегеран, и я весь в тревоге: не случилось бы с ним чего».

Этот обитавший за Уралом недоросль глумился над главой государства и Верховным Главнокомандующим с точки зрения именно национальной. Сталин в своей великой речи на Красной площади 7 ноября 1941 года, обращаясь к проходившим перед Мавзолеем колоннам солдат, сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой борьбе мужественный образ наших великий предков». И в их числе назвал Суворова и Кутузо-

ва. И начинающий негодяй сочинил свой очередной «перифраз»:

Мы (!) били немцев и французов,
И в тех боях бывали (!) метки (!),
Но и Суворов, и Кутузов
Ведь не твои, а наши предки.

Что, дескать, ты, грузин, к моей русской славе примазываешься. Я лично в этом возрасте и не знал, и не интересовался, кто там в Кремле какой национальности. Возможно, и настоящей фамилии Сталина не знал. А этот чутконосый... И прочитал свое сочинение отцу, рассчитывая на похвалу. Тот просто взорвался: «Чего ты полез? Суворов и Кутузов тебе тоже никакие не предки!» – зло сказал отец.

А сынок обиженно ответил, что родился в Москве (будто отец не знал этого), «мой родной язык русский, и вообще я считаю себя русским».

– Вот и Сталин считает себя русским, – отрубил отец. Не тебе, еврею, тыкать Сталина в нос его нерусским происхождением.

«Никогда, – признается Сарнов, – отец так со мной не разговаривал ни до, ни после. Я надулся и обиженно молчал». Но затаил в душе хамство.

Казалось бы, такого убедительного отлупа от родимого батюшки должно бы хватить человеку на всю жизнь. Но ничего подобного. Плевал он на батюшку. И вот ему уже под де-

вяносто, на карачках ползает и все шамкает: «Я – русский, потому что родился около Елисеевского магазина, а Сталин хотел к моей великой русской славе примазаться». И приводит такой пример: я говорит, «хорошо помню, как в день победы над Японией Сталин сказал: «Мы, русские люди старого поколения, сорок лет ждали этого дня». Услышав это, я был возмущен. В моих глазах это было предательство». Верховный Главнокомандующий предал Беню, сытую и пакостную тыловую букашку...

Конечно, Сталин, сформировавшийся как политик в русской среде, православный человек русской культуры, великий вождь России имел все основания считать себя русским, как Наполеон – не корсиканцем, а французом, как Дизраэли – не евреем, а англичанином, даже как Гитлер – не австрийцем, а немцем, как вместе с ним и Маннергейм – не шведом, а финном. И в переписке военных лет с Рузвельтом и Черчиллем у Сталина то и дело мелькает: «мы, русские»... «у нас, у русских»... «нам, русским»... и т. п.

И ведь говорит Беня как очевидец: «Хорошо помню...» Но память-то у старца дырявая: не помнит даже того, что обращение Сталина к народу было не в День Победы, а в день капитуляции Японии – 2 сентября 1945 года. А главное, не было там слова «русский», Сарнов бесстыдно впарил его. Сталин сказал: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения этого дня. И вот этот день наступил».

А евреи, конечно, могут считать и чувствовать себя рус-

скими, как, например Павел Коган, который писал:

Я воздух русский,
Я землю русскую люблю!

И жизнь свою отдал за эту землю...

Б.Сарнов неистощим в своей национальной страсти. С чьих-то слов он рассказывает, что Сергей Довлатов был одно время секретарем Веры Пановой. Однажды у них зашла речь «о непомерно большом количестве евреев в руководстве страны в первые годы после революции».

— Я, как вы знаете, не антисемит, — сказал Довлатов, — но согласитесь, Вера Федоровна, во главе такой страны, как Россия, и в самом деле должны стоять русские люди.

— А вот это, Сережа, — ответила Панова, — как раз и есть самый настоящий антисемитизм. Потому что во главе такой страны, как Россия, должны стоять умные люди.

Сарнов в восторге от этого ответа, считает его прекрасным и решил впредь руководствоваться им в спорах на подобную тему, хотя с одной стороны, чего он опять не сообщает, это пустая банальность: во главе всех стран должны стоять умные люди, имеющие национальное достоинство, а не такие, что мчатся, как Путин, забыв свое президентское достоинство, на край света с нашим паспортом в зубах, чтобы вручить его заезжему «французику из Бордо». С другой, на самом же деле тут оголтелая проеврейская демагогия. Довла-

тов сказал о национальности, разумеется, «по умолчанию» имея в виду, как само собой понятное, что, конечно, не любые русские должны возглавлять страну, не такие ничтожества, допустим, как Горбачев и Ельцин, а люди достойные, в первую очередь, конечно, умные, честные, любящие Родину. А Панова, будто бы и не услышав о национальности, перевела разговор на ум, и из ее слов с полной очевидностью вытекало, что умных среди русских нет, умные – только евреи, и отрицать это, протестовать против их засилья в верхах – «самый настоящий антисемитизм». Это совершенно в духе Жириновского, однажды вопившего по телевидению: «Евреи – самые талантливые в мире! Евреи – самые бескорыстные на свете! Евреи – самые красивые на планете!» и т. п. Хочется думать, что если бы при том давнем разговоре присутствовал Давид Яковлевич Дар, муж Пановой, он поправил бы супругу. А сейчас и спросить некого, все умерли, кроме Жириновского, которому даровано бессмертие в преисподней. И ничего этого Сарнов не видит, не сечет, не кумекает.

Но вы думаете, он смутится хотя бы за свое вранье о речи Сталина? Признáется, что это его очередная жульническая проделка? Ничего подобного! Дело в том, что его отец в той давней взбучке своему отпрыску допустил ошибку, назвав его евреем. Гораздо более права известная когда-то в литературных кругах Москвы красавица Зоя Крахмальникова, жена поэта Марка Максимова, а потом критика Феликса Светова. Сарнов рассказывает, что однажды в какой-то право-

славный праздник он, Войнович, еще кто-то без предупреждения, без звонка вдруг нагрянули к Зое, которой было совершенно не до них, она готовилась к празднику. Довольно скоро Зоя выставила их, а мужу, еврею Светову, потом сказала: «Четыре жида вломились в православный дом и глумились над нашей верой!» (с. 495). Вот этот ярлык и горит на лбу Бенедикта Михайловича, одного из четырех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.